

--	--	--	--	--	--

**Внесите, пожалуйста, ШИФР
с регистрационной карты!**

**Муниципальный тур Всероссийской олимпиады по литературе
2017-2018 уч. год**

10-й класс

Дорогие участники олимпиады!

Предлагаем вам выполнить задания, которые помогут определить уровень вашей литературной эрудиции, культурный кругозор и умение выражать собственное мнение.

Работа состоит из **одного аналитического задания** (время выполнения **3,5 астрономических часа**, максимальный балл – **70**) и **одного творческого задания** (время выполнения – **1,5 астрономических часа**, максимальный балл – **30**). Внутри общего времени (**5 астрономических часов**) вы можете распределять количество времени для работы над аналитическим и творческим заданием самостоятельно. Максимальный общий балл за работу – **100 баллов**.

В качестве первого задания вам предлагается провести **комплексный анализ текста** – прозаического **ИЛИ** поэтического. **Выбор типа текста – ваше право**.

Выполнение заданий проверяет степень сформированности аналитических и творческих филологических навыков, выявляет ваше умение увидеть произведение как целостное единство элементов, несущее в себе смысл, – и на основе этого нового видения и понимания вступить в диалог с автором произведения. При оценке учитываются историко-литературная эрудиция, а также корректное использование теоретико-литературных понятий.

Вы сами определяете методы и приемы анализа, структуру и последовательность изложения мыслей. Однако работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Также вам предстоит выполнить творческую работу.

При проверке учитываются полнота и фактическая точность, а также точность жанрово-стилевого оформления работы и грамотность речи.

Задание выполняется на отдельных листах, при этом переписывать формулировку задания не нужно.

Работа пишется в прозаической форме. Объем работы не регламентируется и не влияет на оценку выполнения задания.

Если вы использовали черновик, сдайте его вместе с работой.

Постарайтесь рационально использовать отведенное для работы время. Обязательно оставьте время на проверку.

Надеемся, что выполнение задания будет для вас увлекательным и полезным занятием.

Желаем успешной работы!

Аналитическое задание (70 баллов)

Вариант 1

КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ ПРОЗАИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Выполните целостный анализ рассказа Людвига Ашкенази «Дети», приняв во внимание следующие аспекты его художественной организации: смысл заглавия, сюжетно-композиционные особенности, место и время действия, функции деталей, позицию героя-повествователя – а также знание исторического контекста.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

При оценке успешности выполнения задания учитывается владение основами анализа художественного текста, умение видеть художественное произведение как целостное единство элементов, несущее в себе смысл. Оцениваются композиционная стройность, язык и стиль вашей работы.

Людвиг Ашкенази

Дети

— Какие там дети! — сказал лейтенант Нестеренко. — Что вы, я ещё холостой. Нет у меня детей, и бог весть, будут ли. Не то чтоб я не хотел! Нет, просто как-то не складывается. Правда, я уже несколько лет переписываюсь с некоей Груней Руденко. Но она живёт под Воронежем, в колхозе имени Августа Бебеля, а я, как видите, сижу тут с вами на лавочке в парке прусского короля Фридриха в Потсдаме, хотя и сам тому не рад. А война уже третий год как кончилась.

Как-то починил я тут одному мальчонке велосипед. Наехал, бедняга, на фонарь и до того растерялся, что глядеть жалко. Привёл я ему велосипед в порядок и говорю: друг мой, надо овладевать техникой, в жизни нельзя полагаться на случайных прохожих...

Нет, детей бы я любил! И язык бы у меня с ними общий нашёлся. Только иногда думается — чувство у меня такое, что не суждено мне это. Есть у меня в Берлине как бы сын. Я его за родного считаю, хоть это чужой ребенок. И может, больше чем чужой. А всё-таки он — мой, хоть и зовут его Генрих. Вот если б привёл я его сюда, к этой скамейке, и спросил: «Heinrich, liebst du mich?» [Генрих, ты любишь меня? (нем.)] — он бы ответил: «Jawohl, lieber Vater» [Да, дорогой отец! (нем.)]. Здесь, на немецкой земле, я уверился в одном: дети, дружище, — всё равно что воск. Что из них вылепишь, то и получится. Орел или пресмыкающееся. Только рука-то, которая лепит, должна быть нежной и твердой.

Иной раз слышишь дурацкие речи, вроде: «Глянь-ка, рыжий какой. Вот поди свинья». Что такому болвану ответишь? Только одно: «Труха у тебя в голове!»

Родился я недалеко от города Винницы на Украине — вам те места, часом, незнакомы? За домом был у нас яблоневый сад, теперь от него одни голые пни остались. В большие холода немцы любили топить печку дровами из яблонь. И вишней топили, и сливой... Очень это меня бесило, хотя, казалось бы, что тут такого: на войне как на войне.

Была у меня двоюродная сестрёнка Наденька. Я уж и лицо-то её позабыл, помню только что-то голубое и розовое, воздушное платьице, да ещё что любила она карамельки с медовой начинкой. Я брал её с собой на пруд купаться. Ручки у неё были тоненькие — дотронуться страшно.

Ну, а потом я нашёл в саду только её зелёную ленточку. Да голые обрубки, мертвые деревья...

Мы тогда уже двигались на Берлин.

Ох, долог был этот путь...

В Варшаве я видел сошедшего с ума еврейского ребенка. Какие-то поляки держали его в яме рядом с отхожим местом и хлеб ему туда носили. Так и спасли. Я до сих пор не знаю, мальчик это был или девочка. Не распознаешь. Ребенок прожил в яме полтора года. Говорить разучился. Ни слова не мог сказать.

Дал я ему медвежонка и говорю: «Теперь ты будешь с ним спать в белой постельке».

А ребенок смотрел на меня чёрными безумными глазами, будто я не даю, а беру...

Я вам это к тому рассказываю, чтоб вы поняли, — когда я вошёл в горящий Берлин, душа у меня была выжжена. И я уже думал, что никогда не найду покоя. Раньше-то я всё прощал, а теперь само прощение стало мне ненавистным: большая злость была во мне — от горя.

Меня никогда не тянуло побывать в Берлине. Вот в Париже — это да. А я ещё и на Кавказе-то не бывал, Средней Азии не видел, о Сибири только слышал. Так зачем мне Берлин?

Но не мы выдумали этот военный туризм. Они сами напросились.

Так или иначе, а я очутился в Берлине. И едва не задохся, — не от дыма, не от огня, а от страшной ярости; в ней, пожалуй, не было уже ничего человеческого.

И тут такой случай.

Брали мы одну берлинскую улицу, чуть ли не до штыков дело дошло — нам это уж было всё равно, что кусок хлеба отвалить. Опыт был, практика. Много огненных улиц осталось за нами — разве сочтёшь...

И тут кончилось, как всегда: окна пустые, слепые, только там и сям из них дым валит или огонь полыхнет, будто мертвец языком дразнится. И ничего уже не слышать — только огонь шипит да орудия бахают, далеко где-то, в другом районе города.

Вот эти минуты, когда кончится бой, всегда самые трудные. Тогда, бывало, закурим мы и молчим — долго молчим.

Кашлянёшь, плюнешь — а дальше что? Сколько ещё улиц впереди? А небо над тобой зелёное, как молодой горошек. Тишина; курю я, а всё что-то

будто беспокоит. Что за чёрт? Какой-то дробный, тоненький треск — и вспышки... Потом вижу — голубоватый дымок в одном из окон — будто карлики из пушки стреляют.

— Видишь, — говорю я соседу, — слышишь?

Я, говорит, слеп и глух, кончилась для меня война.

Взял я бинокль. Навёл на окно во втором этаже. Впрочем, и без бинокля всё видно: дымок и — словно спичкой чиркают.

Пошёл я туда; поднимаюсь по длинной деревянной лестнице, а руку на спуске держу. И что же я нашёл? Заставил бы я вас погадать, да куда — ни за что не угадаете! Иной раз ведь в жизни такое бывает, что только ахнешь.

Стоит у окна мальчишка, лет восьми, не больше. Бледный, в веснушках, волосы ёжиком, — посмотреть — и не знаешь, смеяться тебе или плакать. В руке у него игрушечный пистолет, на подоконнике коробочка с пистонами, ну и палит из окна — выстрел за выстрелом. Схватил я его за шиворот — перепугался он страшно, а всё-таки навёл на меня свой пистолетик. Глаза у него строптивные, злые, совсем не детские. Нет, то не ребёнок смотрел — зверёныш, хищный, глупый, такой, каким его воспитали.

— Ты что ж, — говорю, — в Красную Армию стреляешь?

А он молчит и смотрит злобно, как кот, — сейчас укусит!

«Что с тобой делать, змеёныш, думаю. Как быть? Ведь это — не ребёнок».

Видеть бы вам его глаза — во что детей превратили, сволочи!

Так и стоим мы друг против друга — смех и грех. Он дрожит весь, но стоит и целится. Я не стал отбирать у него игрушку — любопытно мне было, надолго ли хватит. А на меня секундами затмение, что ли, находит, и чудится вдруг, что он вытянулся, что это — взрослый немец.

В это время по мостовой загрохотала наша полевая кухня. Повар Трофим сидит, попыхивает из немецкой трубки, довольный, что борщ ему удался. Я эту профессию не очень-то высоко ставлю, но Трофим был специалист по части борща. Видно, вкладывал он в борщ частицу своей поварской души, когда не хватало свёклы. Специалист он был что надо, хотя характером подгулял. Но это не страшно.

Вижу, у мальчишки нос сморщился, а худенькая шейка так и задергалась — словно мехи гармошки. Вот теперь стало видно, до чего этот воронёнок маленький, до чего он несчастный и тощенький со своим игрушечным пистолетом... Не выдержал я, крикнул повару Трофиму:

— Пришли-ка мне сюда котелок борща. И кусок хлеба побольше!

«Устоит или нет?» — думаю.

Сначала у него дрогнул кадык, потом он часто-часто заморгал, заерзал, съёжил худые плечики — ну прямо нахохлившийся воробышек: выпал из гнезда и крылышки сломал...

— На, — говорю, — бери... Essen...

Начал он есть, а рука у него так дрожит, что борща на пол больше попало, чем в рот. Взял я тогда ложку и, хоть не было у меня практики — я ведь говорил вам, что не женат, — стал его кормить. Сказать по правде,

впервые в жизни пришлось мне тогда кормить ребенка. А пистолетик... Пистолетик лежал на окне. Потом будто порвалось что-то в душе у мальчика — как натянутая струна, — он громко заплакал, и долго так ревел, и хлопал носом, и трясся... Прижал я его к себе — всю гимнастерку вымочил.

Вот пистолет я у него тогда отобрал — таков был приказ коменданта: сдать оружие в двадцать четыре часа...

1967

Вариант 2

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Выполните целостный анализ стихотворения А. С. Кушнера. Обратите внимание на следующие особенности его содержания и формы (поэтики): своеобразие субъектной организации, интонационные повторы – а также на историко-культурный контекст, в т.ч. литературную традицию.

Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

При оценке выполнения задания учитывается владение основами анализа поэтического текста (образный ряд, ритмико-синтаксическое и фонетическое своеобразие), глубина восприятия образа лирического героя и умение истолковать его лирические переживания, умение характеризовать поэтическую индивидуальность автора, а также умение выразить свои мысли и чувства. Оценивается композиционная стройность, язык и стиль вашего сочинения.

А.С. Кушнер

Быть нелюбимым! Боже мой!..

Быть нелюбимым! Боже мой!
Какое счастье быть несчастным!
Идти под дождиком домой
С лицом потерянным и красным.

Какая мука, благодать
Сидеть с закушенной губою,
Раз десять на день умирать
И говорить с самим собою.

Какая жизнь – сходить с ума!
Как тень, по комнате шататься!
Какое счастье – ждать письма
По месяцам – и не дожждаться.

Кто нам сказал, что мир у ног
Лежит в слезах, на все согласен?
Он равнодушен и жесток.
Зато воистину прекрасен.

Что с горем делать мне моим?
Спи. С головой в ночи укройся.
Когда б я не был счастлив им,
Я б разлюбил тебя. Не бойся!
1981

Творческое задание (30 баллов)

Прочитайте фрагменты разговоров Базарова и Аркадия Кирсанова (И.С.Тургенев «Отцы и дети»). Постарайтесь понять точку зрения каждого героя.

Какие темы, кроме темы искусства, звучат в диалогах? Какова была бы ваша позиция в этой дискуссии? С кем из участников беседы вы бы согласились, а кому возразили? По каким именно аспектам? Возможно, в чем-то вы согласны с одним из героев, а в чем-то с другим. В чем? Почему? Как бы вы аргументировали свою позицию? Какие произведения других авторов (писателей, художников, музыкантов) вы бы использовали для подтверждения своего мнения? Запишите свое «выступление» в дискуссии Базарова и Аркадия.

Вы должны занять собственную позицию в споре персонажей Тургенева и убедительно ее защищать, уметь апеллировать к другим произведениям, точно интерпретировать используемые в споре фрагменты.

Базаров перебил Аркадия:

— Однако мы довольно философствовали. «Природа навевает молчание сна», — сказал Пушкин.

— Никогда он ничего подобного не сказал, — промолвил Аркадий.

— Ну, не сказал, так мог и должен был сказать, в качестве поэта. Кстати, он, должно быть, в военной службе служил.

— Пушкин никогда не был военным!

— Помилуй, у него на каждой странице: на бой, на бой! за честь России!

— Что ты это за небылицы выдумываешь! Ведь это клевета наконец.

***

— Видел я все заведения твоего отца, — начал опять Базаров. — Скот плохой, и лошади разбитые. Строения тоже подгуляли, и работники смотрят отъявленными ленивцами; а управляющий либо дурак, либо плут, я еще не разобрал хорошенько.

***

– Порядочный химик в двадцать раз полезнее всякого поэта, – перебил Базаров.

***

– И природа пустыки? – проговорил Аркадий, задумчиво глядя вдаль на пестрые поля, красиво и мягко освещенные уже невысоким солнцем.

– И природа пустыки в том значении, в каком ты ее понимаешь. Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник.

Медлительные звуки виолончели долетели до них из дому в это самое мгновение. Кто-то играл с чувством, хотя и неопытной рукою «Ожидание» Шуберта, и медом разливалась по воздуху сладостная мелодия.

– Это что? – произнес с изумлением Базаров.

– Это отец.

– Твой отец играет на виолончели?

– Да.

– Да сколько твоему отцу лет?

– Сорок четыре.

Базаров вдруг расхохотался.

– Чему же ты смеешься?

– Помилуй! в сорок четыре года человек, отец семейства, в...м уезде – играет на виолончели!

Базаров продолжал хохотать; но Аркадий, как ни благоговел перед своим учителем, на этот раз даже не улыбнулся.

***

– Твой отец добрый малый, – промолвил Базаров, – но он человек отставной, его песенка спета.

– Третьего дня, я смотрю, он Пушкина читает, – продолжал между тем Базаров. – Растолкуй ему, пожалуйста, что это никуда не годится. Ведь он не мальчик: пора бросить эту ерунду. И охота же быть романтиком в нынешнее время! Дай ему что-нибудь дельное почитать.

– Что бы ему дать? – спросил Аркадий.

– Да, я думаю, Бюхнерово «Stoff und Kraft» («Материя и сила») на первый случай.

– Я сам так думаю, – заметил одобрительно Аркадий. – «Stoff und Kraft» написано популярным языком.